КРОКОДИЛ

№ 17 МОСКВА 1944 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIII ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

Рис. Бор. Ефимова

ДОБЕЙ ЕГО!

От собственного корреспондента

БЕРЛИН. «Фелькишер беобахтер» отмечает то обстоятельство, что несмотря на войну немцы продолжают углубляться в научные вопросы. Так например сейчас многие немцы сильно углубились в изучение подводного царства Чёрного моря. К этой работе привлечена и Румыния.

БЕРЛИН. В сообщении германского командования говорится: «Оставив в Севастополе много солдат, много тяжёлой артиллерии, тяжёлых танков и тяжёлых бомбардировщиков, немецкие войска чувствуют теперь себя значительно легче».

БЕРЛИН. Здесь стало известно, что несколько английских лётчиков попали в гестапо. В отличие от других попадающих в это учреждение, на этот раз пострадали не английские лётчики, а самое здание гестапо.

КЕЛЬН. Германская печать рекомендует населению следующее: «Спокойно выругайтесь, когда дело идёт не так, как надо. Брань облегчает душу». Многие немцы последовали этому совету — количество казней в стране заметно увеличилось.

БЕРЛИН. Немецким газетам дано категорическое указание избегать в своих выступлениях слов «катастрофа», «поражение», «отступление». Лингвистический институт при академии арийской культуры создал специальный филиал для разработки заменителей этих неприятных выражений. Так например слово «катастрофа» предполагается заменить понятием «эластичная победа».

●

МОЛОДКА

Говорят, что у молодки
Волос долгий, ум короткий;
Так уж повелось.
Но теперь, я полагаю,
Установка не такая
На предмет волос.
Хорошо, что у молодки
Перманент из-под пилотки.
Чем она милей и краше,
Тем у ней ровней и глаже
Всё идёт на лад:
Во цеху ли, в обороне,
Во саду ли, в огороде —
Настоящий клад.
Волос долгий ли, короткий
У неё из-под пилотки,
Но идёт молва,
Что порой иной молодчик
Призадумается очень:
«Ну и голова!»

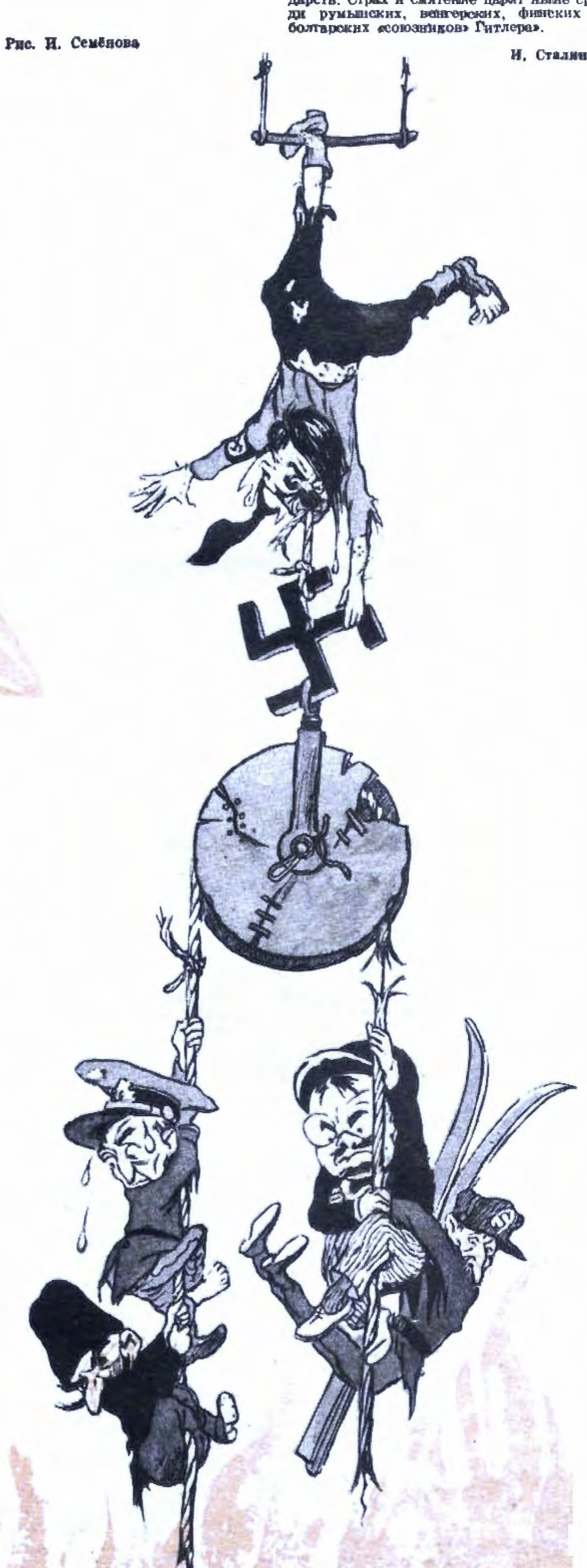
Вера ИНБЕР

Ленинград

Рис. И. Семёнова

«Под ударами Красной Армии трещит и разваливается блок фашистских государств. Страх и смятение царят ныне среди румынских, венгерских, финских и болгарских «союзников» Гитлера».

И. Сталин

Смертельный номер

Румынские анекдоты

КОМАНДИР одной румынской кавалерийской дивизии обратился в Бухарест к министру финансов со следующим письмом:

«Господин министр! Средства, отпускаемые на содержание вверенной мне кавалерийской дивизии, недостаточны. Слов нет, солдаты не плохо обеспечены: они воруют продукты у населения. Не жалуются и господа офицеры: они находятся на содержании у старых дам. Но как быть с лошадьми, господин министр? Лошадей кормить надо, а денег у меня нет...»

Можно привести десятка два таких румынских анекдотов. Но ограничимся ещё одним:

«Как-то в Бухарест приехал один иностранный дипломат.

В честь гостя был устроен обед. За столом иностранец сидел между Ионой Антонеску и Михаилом Антонеску. После обеда, в курительной комнате, гость спохватился, что у него исчезли золотые часы. Он смущённо шепнул об этом Иону Антонеску.

— Безобразие! — вскричал Иона Антонеску.— Кто сидел рядом с вами? Михаил Антонеску?

Иона выскочил в соседнюю комнату. Вскоре он вернулся с часами в руках:

— Ваши, господин посол?

— Мои.

— Получайте, господин посол. Я так и знал, что это работа Михаила.

— А как объяснил этот инцидент господин Михаил Антонеску? — спросил дипломат.

— Никак не объяснил, — ответил правитель Румынии.— Он даже не заметил, как я вытащил из его кармана ваши часы...»

Эти анекдоты родились не у нас. Они имеют международное хождение.

К теперешней Румынии более всего подходит формула:

«Вор на воре сидит, вор вором погоняет».

Бухарестские воришки в своей деятельности не ограничивают себя чужими бумажниками и часами. Они даже, как известно, выработали для своих солдат и офицеров «спутник грабителя». Это продуманная инструкция, как грабить русские музеи.

Но вот настали другие времена. За последний год, видите ли, произошли кое-какие изменения в географии. Так например ещё сравнительно недавно румыны были под Краснодаром, а Яссы были в глубоком тылу. Сейчас Краснодар — в глубоком тылу, а под Яссами — русские танки.

В румынской воровской шайке поднялось смятение. Как же так? Что же такое делается, господа, в Европе? Неужели, господа, и пограбить нельзя?

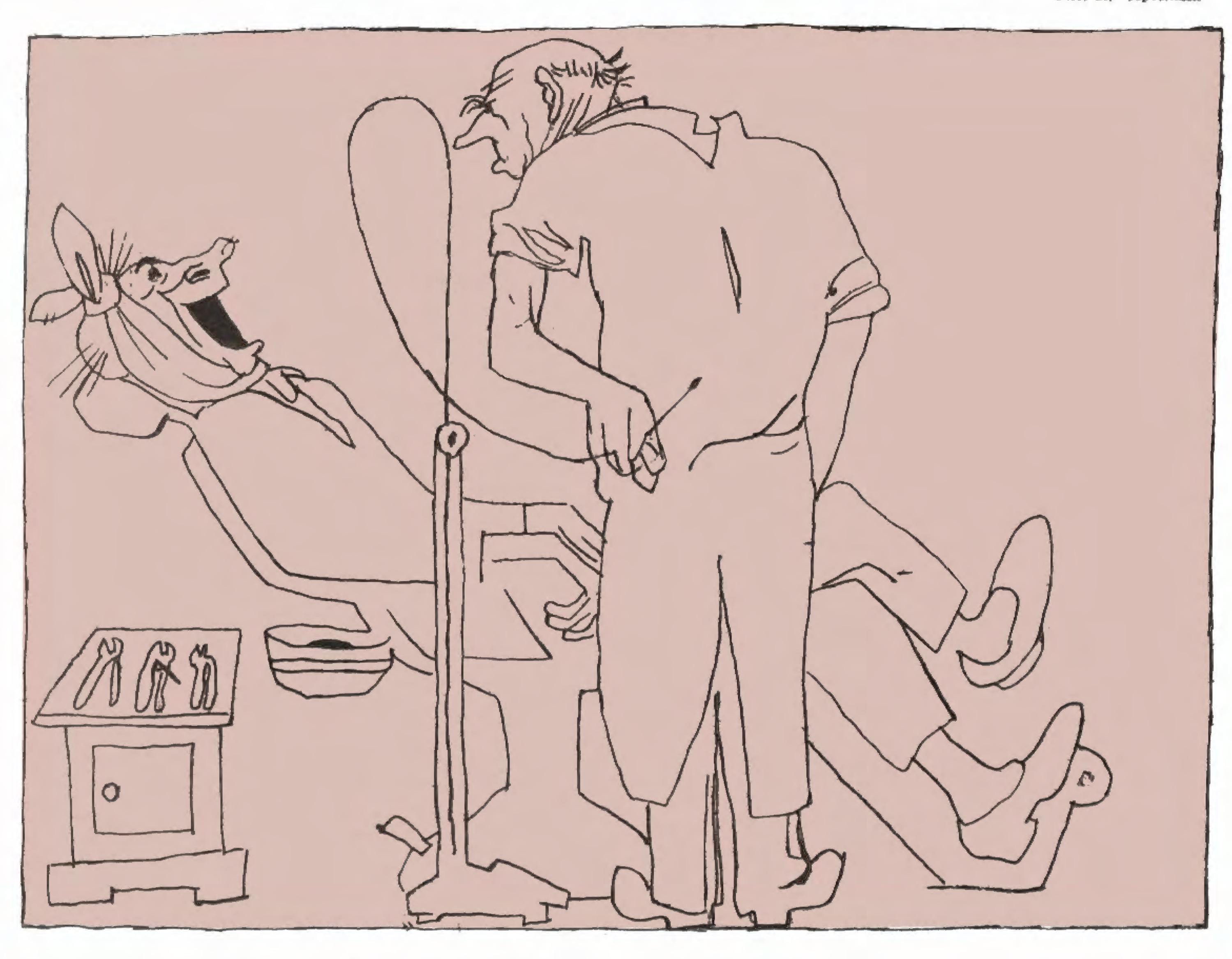
Перепуганная шпана начала клясться и божиться, что она, ей-ей, не виновата, что она, ей-ей, и не думала воевать, что её участие в гитлеровском разбое — чистое недоразумение и что вообще шпана, ей-ей, за мир, за культуру и за... как это называется... за цивилизацию, что ли.

Антонеску и его банда в роли ангелов — разве это не новый румынский анекдот?

Г. РЫКЛИН

У ЗУБНОГО ВРАЧА

Рис. М. Черемных

— Закройте рот, герр Шульц!
— Ох, герр доктор, а я-то думал, что хоть у вас можно раскрыть рот.

Живой труп

НОЧЬЮ пожилая немка Аугуста Кисельшнапс проснулась от резкого стука в дверь. Немка всхлипнула и ухватилась за плечо своего мужа:

— Курт, это они. Курт, это — гестапо... Прячься!

Сутулый и тощий Курт, мыча спросонья, на карачках полез под кровать. Стук повторился.

— Сейчас, сейчас, мэйнэ гершафт! — весёлым фальцетом проверещала Аугуста.

В комнату ввалились трое в шинелях лягушечьего цвета. Они озирались с таким видом, будто ожидали увидеть в комнате батальон пехоты противника.

— Та-ак, — протянул старший, — а где ваш муж, фрау Кисельшнапс? Он мобилизован...

Аугуста, не торопясь, состроила постное лицо, поглядела на потолок и заблеяла:

— Увы, он там, мой милый Курт. Во время последнего налёта огромная английская бомба...

— Подождите вы с бомбой! Это что у вас торчит из-под кровати?

— Ах, это?.. Носки. Его носки. Покойный Курт так любил их, что я не решаюсь продать...

Но гестаповцы уже тянули за ноги мнимого покойника.

— Хо-хо!.. Хороши носки! К этим носкам мы имеем хороший комплект других деталей: и ноги, и руки, и живот. Кто такой? Как звать?

Курт с чувством почесал себе ляжку и только после этого ответил:

— Вы меня не знаете. Я всё равно нездешний.

— Ах, нездешний?! А ну, Шранке, угости его по-здешнему! Вот так!.. Ну, говори, прохвост: ты её муж?

— Что вы! Вы же слышали, господин оберрейхсполицейфилерфельдфебель: эта фрау сама говорит, что она овдовела.

— А почему ты торчишь здесь?

— А я это... я вор. Честное слово.

— А почему в белье? Разве воры раздеваются?!

— А ещё и это... я, значит, вор и я же ещё любовник. По совместительству. Честное слово.

— Нет, ты видел наглеца, Шранке? Дай ему раз за вора! И за любовника дай. Так! А теперь я тебе скажу, кто ты. Ты Курт Кисельшнапс, муж этой укрывательницы!

— Я?! Просто смешно, господин оберрейхсполицейфилерфельдфебель... Когда вам говорят, что я... то есть что он — этот Кисельшнапс — умер от бомбы ещё в среду, вы утверждаете...

— Документы твои где? Подкинул, небось, покойнику?

— Что вы!.. Я покойника и в глаза не видел! Это мне вот она — фрау Кисельшнапс то есть — рассказывает, что будто бы он, то есть покойник, шёл из карточного бюро, а она, то есть бомба, возьми и упади, а она, то есть фрау Кисельшнапс, подбегает, а он, то есть покойник, ей говорит...

— Цыц, мерзавец ты этакий! А почему на стене твоя фотография вместе с этой фрау, а?

— Где?.. Смотрите! В самом деле, какое сходство!.. То-то, когда я пришёл сюда воровать, мне эта фрау говорит: «Ах, господин вор, вы так похожи на моего мужа, что я...»

— Ну, хорошо. Если ты не Кисельшнапс, тогда кто же ты такой?

— Я?.. Ах, я!.. Я этот... Я, знаете ли... А чего вам, собственно, беспокоиться, герр оберрейхсполицейфилерфельдфебель? Я сам живу не здесь, а в Регенсбурге. И тамошнее гестапо меня хорошо знает. Меня даже и били уже там. Очень похоже на вашу работу, герр Шранке, я даже удивился... Вы разрешите, я оденусь и пойду туда биться... То есть жить... А?

— Шранке, ручные кандалы на него! Так. Марш вперёд, мерзавец!

Аугуста завыла. А «живой труп» вздохнул и сказал ей скучным голосом:

— Ну, раз так, подай мне мой набрюшник, Аугуста. Скоро мне не выбраться. А там у них, говорят, холодно...

В. АРДОВ

Действующая армия.

Рис. Л. Бродаты

Крымский пейзаж.

ПРО РАЗВЕДЧИКА ТУЗА, КЛИЧКА—«КРЫМСКАЯ ГРОЗА»

Не слыхали вы, ребята,
Про разведчика Туза —
Смельчака, матроса, хвата,
Кличка — «Крымская гроза»?!
Под Одессою румынам
Туз не раз давал «аза».
Туз с «Червонной Украины»
Бьёт без промаха в туза.
  Туз — моряк бывалый,
  Туз — весёлый малый.
  Вьются ленты — флотский знак:
  Боевой идёт моряк!
Туз в Крыму гулял всю зиму
И сейчас вполне живой.
Вася Туз — хозяин Крыма,
Бог разведки тыловой.
Скат орлиный, козьи тропы ль —
Туз везде пути найдёт.
Туз пришёл под Севастополь,
Меткой пулей немца бьёт.
  Туз — моряк бывалый,
  Туз — веселый малый.
  Вьются ленты — флотский знак:
  Боевой идёт моряк!
Немцам всем в Крыму могила,
От расплаты не уйти.
Кого пуля не скосила,
Тех потопим на пути.
Туз кинжалом на прикладе
Метит немцев неживых:
— Было сто убитых гадов,
А теперь сто двадцать их!..
  Туз — моряк бывалый,
  Туз — весёлый малый.
  Вьются ленты — флотский знак:
  Боевой идёт моряк!

Сергей АЛЫМОВ

Черноморский флот

Первая атака

Я ПЕРЕПРАВЛЯЛСЯ на катере через Керченский пролив. Тонкая песчачая коса осталась позади. Свежий ветер гнал крупную зелёную волну. Рядом со мной на носу сидел молодой человек в очках, в шинели без погонов, в ушанке и в высоких шнурованных башмаках. Видя, с каким интересом и нетерпением я вглядываюсь в близкие очертания противоположного берега, мой сосед спросил:

— Впервые переправляетесь?

— Да,— сказал я.— впервые за войну.

— Ну, тогда, конечно, интересно,— сказал он небрежно. И, видя, что меня задела его снисходительность, добавил: — Вообще, знаете, когда впервые что-нибудь случается, много интересного бывает.

Он загадочно улыбнулся, и мне показалось, что ему непременно хочется о чём-то мне рассказать. Я предложил ему папиросу. Он затянулся и сказал:

— «Казбек». Любимые папиросы мои, между прочим. В Москве я всегда курил «Казбек». Вы знаете, вообще говоря, я и сам на фронте недавно. Сейчас я работаю в армейской газете: очерки пишу, стихи. В общем занимаюсь литературным трудом. Это моя профессия. Когда началась война, меня вызвали, как всех, повесткой. Осмотрели и освободили. У меня зрение, так сказать, не особенно выдающееся. Очень я переживал эту историю.

Но желание поехать на фронт меня не покидало. Хотелось на передний край, чтобы над моими очерками в газете красовалась гордая строчка «От нашего военного корреспондента». Очень хотелось писать: «цепляясь за каждую складку местности» или, скажем, «преодолевая сопротивление врага». Одним словом, такие вполне ответственные слова хотелось писать.

Стал я проситься, приставал, надоедал, заявления писал. Чорт знает сколько бумаги извёл — и никакого результата! Мне все говорили: вы делаете полезное дело, героика тыла, работа заводов — всё это очень важно и, вообще говоря, фронт и тыл у нас неотделимы. Я говорил: ладно, я понимаю — они неотделимы, но вы меня лично можете отделить, так сказать, персонально? Нет, говорят, не можем.

Но в конце концов собрал я все свои силы и в результате смелого обходного манёвра овладел командировкой на фронт.

Ну, стал собираться, конечно. Настроение грандиозное. Обмундировался. Редакционная курьерша кисет подарила. Все на вокзал пришли провожать. В общем замечательно было... Я ехал, знаете, смотрел в окно, и только, помню, поезд тронулся, я тихонько запел:

«Мне в холодной землянке тепло,
От твоей негасимой любви...»

В общем приехал я до места. Не буду рассказывать, как ехал, как добирался,— это всё неважно. Помню только, что попал в политотдел к концу дня. Штаб тогда стоял в станице, хатки с черепичными крышами, землянки. Рядом дорога, регулировщица флажками орудует. Одним словом, фронт.

Ну, я представился кому надо, предъявил документы. Приняли меня замечательно.

И вот в первую же ночь всё и произошло. Я за день, знаете, намотался, устал. Поужинал и пошёл с провожатым в землянку, где для меня место было оставлено.

Пришёл, скинул шинель и прилёг. Лежу в одиночестве и думаю: «Неужели это я? На фронте, в землянке, а?» Да... Ну лежу, мыслей в голове целый ворох, сами понимаете. Думаю, утром проснусь — и сразу туда, где свистят пули. С этими мыслями я и заснул.

Не помню, сколько я проспал. Проснулся я от страшного грохота. Открываю глаза — кругом никого, и где-то совсем рядом гремят разрывы, гудят самолёты... Вы сами понимаете, я вскакиваю, накидываю шинель, руки у меня трясутся, дело прошлое, скрывать не буду... Затягиваю ремень и думаю: вот, сразу начинается... И сам про себя шепчу: «С рассветом началась мощная артиллерийская подготовка». Шепчу это я и вдруг слышу слева далёкое «ура», потом всё ближе и ближе

«ура». Ну, думаю, всё, наши пошли в атаку. И здесь, конечно, я задаю себе вопрос: «Где место военного корреспондента?» И отвечаю: «Там!».

А «ура» всё ближе и ближе, уже совсем рядом. Тогда я надеваю фуражку и вспоминаю стихи: «Жди меня, и я вернусь».

В общем страшно волнуюсь, дело прошлое, скрывать не буду. Хватаю пистолет и во весь голос, одним словом, страшно громко, кричу: «Ура!..» Это уж я потом понял, что я для храбрости кричал.

В общем толкаю ногой дверь и, как говорится, на полном газу, с пистолетом в руке, с победным криком «ура» влетаю в соседнюю землянку, где на экране демонстрируется кинохроника: бой за населённый пункт...

Влетел я, свалил двух бойцов и грохнулся в проходе. Кто-то с испугу закричал, зажгли свет. Ко мне девушка бросилась — военврач. Ну я тем временем встал, вид у меня, конечно, как у полного идиота, дело прошлое, скрывать не буду. Пришлось сознаться, что со мной произошло, и тут поднялся такой хохот, что я испугался за сохранность землянки. Позже, когда бойцы встречали меня, они заранее смеялись и, вытирая ладонями слёзы, просили обязательно рассказать, как я ходил в атаку на кинохронику...

Так что, знаете, когда впервые что-нибудь случается, много интересного бывает.

Он улыбался, щуря свои близорукие глаза. Катер подошёл к берегу. Мой сосед легко спрыгнул на дощатый причал. Я соскочил вслед за ним, и через минуту мы уже поднимались по каменистому берегу полуострова.

Б. ЛАСКИН

ГАРМОШКА

В нашей части есть гармошка.
Ох и громкая она!
Говорят, у ней немножко
Западают клапана.

Но зато с особой хваткой
Гармонист наш молодой!
Правда, в руки взял двухрядку
Он прошедшею зимой,

И хоть любит, без сомненья,
Песни звонкие всерьёз,
Но по части исполненья
До сих пор не виртуоз.

Всё равно готовы слушать
Мы гармошку до утра,
Польку «Дедушка», «Катюшу»
И ещё... «Па де труа».

Сколько раз мы так сидели,
Ей внимая, чуть дыша,
Потому что в этом деле
Всё же главное — душа!..

Ты письма мне не прислала...
Я, конечно, загрущу
И во что бы то ни стало,
Гармониста разыщу:

«Мол, тоска мне сердце сушит
И прошедшего не жаль,
Ты сыграй, браток, «Катюшу»,
Разгони мою печаль!»

Мало дней пройдёт, иль много —
Ты пришлёшь мне письмецо,
И опять к нему дорога
Приведёт в конце концов,
Покажу конвертик узкий
И начну его просить:

«Мол, нельзя ли нам в искусстве
Эту радость отразить...»
Снова он меня уважит —
Гармонист наш молодой, —

Полькой «Дедушка» доскажет,
Что не сказано тобой.
Так звени, двухрядка, смело!
Раздувай в груди пожар!

Не беда, что устарелый
У тебя репертуар.
Мы с любимой скоро будем
Вместе в «Малый зал» ходить.

Самой лучшей из прелюдий
Нас тогда не удивить.
И особенного свойства
Скрипку вскинув на плечо,

Для меня товарищ Ойстрах
Звук волшебный извлечёт!
Но забуду я нескоро
Даже в эти времена
Ту гармошку, у которой
Западали клапана!

Сержант М. ЛЬВОВСКИЙ.

Действующая армия.

Гитлеровские заправилы переводят награбленные капиталы в некоторые страны Южной Америки.

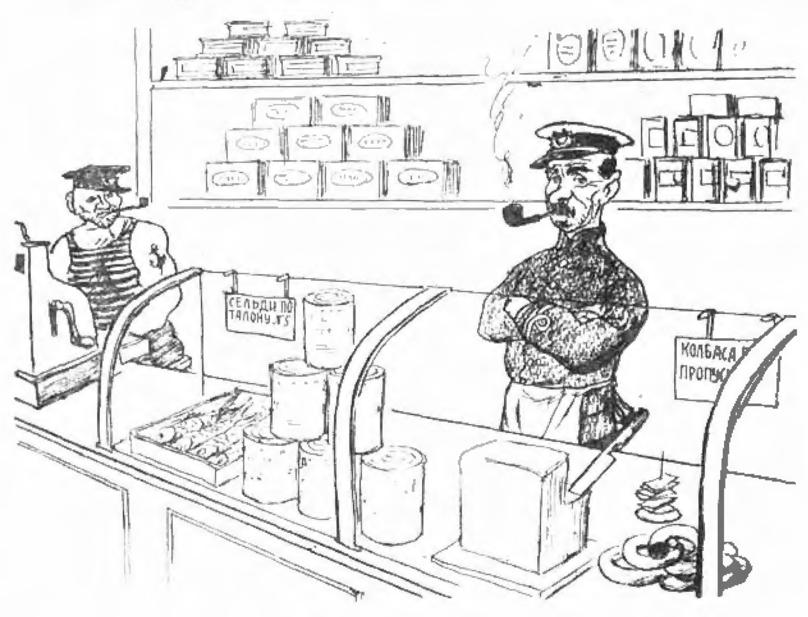
Рис. К. Елисеева

— Говорят, деньги не пахнут. А вот эти определённо пахнут — поражением Германии.

Рис. И. Семёнова

Десятки капитанов осели в аппарате Северного речного пароходства. Опытный техник-капитан Павлюков *работает в орсе.*

Тихая пристань.

ШАТРЫ У ГОРЫ МАГНИТНОЙ

ИВАН Иванович Просвирин решил «ещё раз перечитать все романы Льва Толстого». Он принёс к себе в номер гору книг и засел...

В течение месяца Иван Иванович одолел семь томов, читая по восьми часов в день с часовым перерывом на обед. Вечером программа была другая: театр, кино, цирк.

Настал второй месяц. Иван Иванович взялся за Шекспира. Ничего корыстного в этой смене авторов не было: на самаркандском заводе «Красный двигатель» за освоение классического наследства агенту отдела снабжения Просвирину платили по одной таксе: 1200 рублей — оклад, 1080 рублей — командировочных, около 300 рублей — квартирных, проезд туда и обратно в мягком вагоне, 1500 рублей в месяц на разные непредвиденные расходы.

Два раза в пятидневку Иван Иванович поднимается на пятый этаж главной конторы металлургического комбината, в отдел сбыта

— Как мой вагончик? — спрашивает он у девушки с чёрными локонами.

— Придёт время — отправим, — говорит девушка.

Сегодня она ответила по-другому:

— Ночью отправили.

— Разрешите узнать номерок вагона, — просит Иван Иванович.

Он записывает пятизначную цифру, потом идёт на телеграф и гонит в Самарканд сверхсрочную телеграмму: «Встречайте вагон 04578 всё порядке молнируйте тысячу».

В городской гостинице Магнитогорска Иван Иванович часто встречается с тихим, невозмутимым Савченко. Этот товарищ приехал из Нижнего Тагила и уже второй год занимает номер на первом этаже. Недавно он привёз с собой сына. Командировка явно затянулась.

— Вы счастливец, — говорит он Просвирину. — А для нашего завода и грузить в этом месяце ничего не нужно. Худею от скуки. А ведь, кроме меня, есть ещё Дзюбанов — постоянный представитель наркомата.

— Постоянный представитель? — с сердцем восклицает высокий небритый человек, который бежит по гостиничному коридору с чайником и полотенцем. — Я постоянный представитель Наркомата местной промышленности РСФСР. Слыхали? Приехал из Москвы и застал тут ещё тринадцать уполномоченных с наших же заводов. А всех грузов у них двадцать тонн. Что прикажете делать уполномоченным?

— Практикуйтесь в шахматы, — советует молодой человек домашнего вида, в полосатой пижаме: он, как видно, давно уже здесь обжился.

— А я из Ижевска, — представляется уполномоченный в гимнастёрке цвета беж. — Прибыл по специальному заданию директора нашего завода товарища Медведева. Приезжаю, захожу после всех пересадок и дорожных передряг в отдел сбыта, а мне нахально объявляют: «Ваш груз отправлен, и непонятно, зачем вы приехали. Выезжайте обратно!» Ну, думаю, шалишь — раз уж приехал, недельки две проживу. И вот раскинул я шатры у горы Магнитной...

— Поживаём, поживём, — дружно поддерживает его группа оживлённо беседующих людей в конце длинного коридора. — Мы четверо — с Горьковского автозавода. Приехали, и вдруг встречает нас уполномоченный нашего Наркомсредмаша товарищ Иванов: «Зачем пожаловали? Мне и одному, слава богу, делать нечего».

— Скучно, — говорит кто-то зевая. — А что у них сегодня в цирке?

М. ЩЕЛОКОВ

Магнитогорск.

КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ

ПРАЗДНИК ИСПОРЧЕН

Грустно становится, когда сталкиваешься с людской неблагодарностью. Сердце сжимается от боли при виде всякой несправедливости.

Кажется, стараешься сделать как можно лучше, но это почему-то не ценится. Находятся отдельные скептики, которые во всех благородных поступках обязательно найдут теневую сторону.

Отчитывался как-то Приморский крайпищепром в своей разнообразной деятельности. Преследуя самые возвышенные цели, заявил он между прочим, что пищевая промышленность края выполнила годовой план в 1943 году на 103 процента.

Вот тут-то и раздаться бы буре аплодисментов, переходящих в овацию.

Но вместо этого...

— Помилуйте, откуда взялась эта цифра — 103 процента,— если вместо запланированных 180 тысяч дохода я дал только 120 тысяч! — всенародно каялся директор Спасского райпищекомбината.

— А я, простите, выполнил план лишь на ноль целых ноль десятых процента,— прошептал директор Сучанского комбината,— ибо в отчётном году нам просто не удалось работать.

И пошло, и пошло...

Так на глазах у уважаемой публики пышная цифра «103» начала блекнуть и чахнуть.

И, конечно, праздник был испорчен.

НЕ ИНАЧЕ—К СЛЕЗАМ

На душе тяжело, и глаза щиплет — это к слезам.

О ком слёзы? Конечно, о работниках, ведающих разгрузкой багажных вагонов на Курском вокзале в Москве. Не дают им спокойно жить, тормошат из-за багажа, жалуются на них в высшие инстанции и даже пишут к нам в редакцию.

Причина? Оказывается, багажные вагоны полным-полные чьих-то сундуков, корзин и чемоданов, простаивают по два месяца неразгруженными.

Вот, например, гражданин Вьюнцов 5 ноября 1943 года из города Молотова отправил свои вещи большой скоростью. Вещи приехали добросовестно, на третий день. Приехали и лежат в багажном вагоне. А гражданин Вьюнцов просыпается утром и горько думает:

«Надо бы мне свежее полотенчико, а полотенце в сундуке. А сундук в багаже. А багаж не разгружен».

Одевается Вьюнцов и скорбит:

«Надел бы я ту рубашечку, что в лиловую полосочку, а она в сундуке, а сундук...» и т. д.

Так-то вот, с утра и до ночи, вспоминает человек о своих вещах. Да мало того, что вспоминает: он одиннадцать раз о них справляется у работников бюро розыска багажа (есть, оказывается, даже такое специальное бюро). А работники говорят:

— Господи, да у нас шесть вагонов не разгружено! Что такое один ваш сундук по сравнению с шестью вагонами! Надо же иметь сознательность!

Вот и горько, что одиннадцать раз беспокоят таких добродушных, милых работников. А у одного в это время, может быть, именины, другой, возможно, только что женился, у третьего зубы болят... А им тычут в нос каким-то пошлым багажом и бестактно напоминают о простое вагонов!

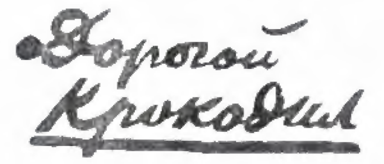
Вот потому-то и горько и щиплет глаза.

БЫВАЕТ...

Рис. Г. Валька

Налаженный транспирт.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Поздравь меня: я отец. У меня есть дочь. Радость, конечно, огромная, если бы не одно обстоятельство, омрачающее торжественность минуты: ребёнок появился на свет при весьма загадочных обстоятельствах.

Вот как это было. Несколько раз я обращался с фронта в домоуправление № 32 Ленинградского района г. Москвы за необходимой справкой. Но молчание было ответом. Что делать? Я обратился за содействием в прокуратуру Ленинградского района. Откуда и получил официальное извещение за подписью помощника военного прокурора старшего лейтенанта юстиции Иванова, в котором ни с того ни с сего сообщается, что моя дочь с возвращением в Москву водворена на прежнюю жилплощадь и прописана на постоянное жительство.

При чём тут дочь? Караул!.. У меня нет дочери!..

Но если она когда-нибудь родится, я просто буду счастлив увидеть у её колыбели тов. Иванова — эту добрую фею из прокуратуры.

Майор М. СОКОЛОВСКИЙ

Действующая армия.

●

Уважаемый Крокодил!

Уфимская спичечная фабрика имени 1 Мая выпускает спички в коробках по 50 штук. Из этих 50 штук с большим трудом мне удалось зажечь только 5 спичек.

Не лучше ли класть в коробки всего 5 спичек, но зато хороших? При этом условии дирекция фабрики, у которой, увы, нет никакой надежды получить премию за качество своей продукции, может рассчитывать на премию за экономию в сырье, рабочей силе и транспортировке.

И. ПИЧУГИН

Полевая почта 61247 Б.

Примечание младшего корректора: В приведённое выше письмо вкралась опечатка: речь идёт о спичечной фабрике «Красная звезда» в г. Кирове, о чём свидетельствует письмо старшего сержанта Соснова и красноармейца Карпушкина (Полевая почта 29824).

Примечание старшего корректора: В приведённом выше примечании к приведённому выше письму допущена ошибка: бракованные спички выпускает фабрика «Белка», что подтверждает в своём письме из Действующей армии М. Фомин (Полевая почта 07707).

Примечание технического редактора: Как видно из письма капитана Ф. Павлишина (в/ч № 4850), плохие спички, оказывается, выпускает местная промышленность г. Уральска, Западно-Казахстанской области.

От Крокодила: Вынужден признать, что премию за экономию сырья, рабочей силы, расходов по транспорту придётся выдать всем четырём указанным выше спичечным фабрикам. Никакой опечатки, к сожалению, тут нет.

●

Дорогой Крокодил!

Всем известно, что грязное бельё становится немедленно чистым, если его как следует выстирать.

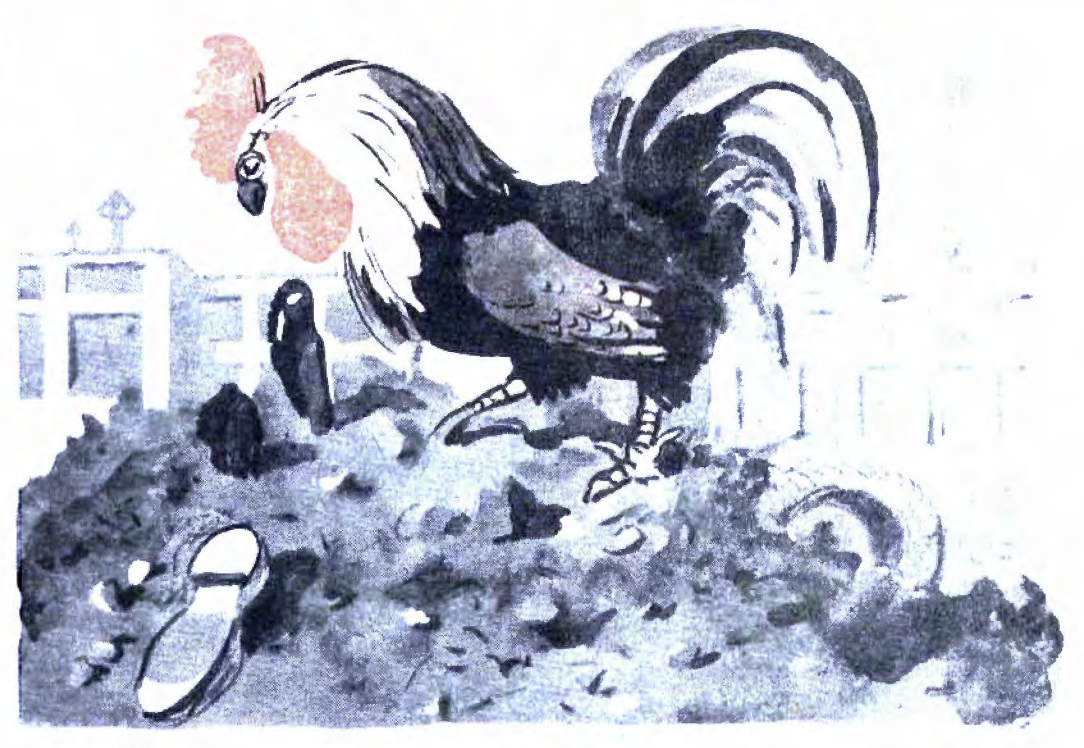
Однако местная промышленность Таджикистана произвела коренной переворот в стиральном деле. Точно установлено, что от соприкосновения с мылом производства местной промышленности Таджикистана бельё становится настолько, извини за выражение, грязным, что хозяйки приходят в ужас.

А вот руководители местной промышленности не ужасаются. Они нашли выход. Они просто избегают употреблять мыло собственного производства.

Капитан ПАМИКОВ,
политрук СЕНДЕРСКИЙ,
лейтенант РАДЖАБОВ

Сталинабад.

Рис. А. Каневского.

Навозну кучу разрывая, петух нашёл на свалках свердловской фабрики «Уралобувь» много тонн ценных отходов кожи.

ОВОЩ, ВЫРОСШИЙ В КОСТРОМЕ

Один довольно известный поэт сто лет назад вопрошал:

«Где вольность лире утомлённой
Найти на суетной земле?»

Оказывается, в наши дни таким местом является город Кострома, где прочно осела муза некоего Николая Орлова.

Кто он такой, точно нам неизвестно. В Костроме Николай Орлов считается поэтом. Его утомлённой лире предоставлена в Костроме сказочная вольность.

Вот на довольно хорошей бумаге красными буквами типографским способом отпечатано:

«Грядками каждый дом окружай, бьёт по врагу овощей урожай!»

У нас нет оснований считать костромичей особо непонятливыми согражданами. Наоборот, все сведения из Костромы говорят о том, что жители этого города обеими руками за огороды. Но одного костромичи всё-таки понять не могут: зачем в связи с ясным и понятным делом развития индивидуального огородничества нужно печатать приведённые выше вирши Николая Орлова?

Получив в Костроме безграничную вольницу, Николай Орлов развернул неописуемо широкую деятельность. Одни афиши, отпечатанные в костромских типографиях, дают материал для многолетних исследований литературоведов и работников главрепеткома.

«Концерт в местном клубе. В программе исполняются номера исключительно на тексты поэта Николая Орлова».

Перед нами программа карнавала, сочинённая тем же автором:

«Программа вечера давно готова,
Свой карнавал мы начать должны
Литературным монтажем Николая Орлова...»

Ну, а раз должны, то деваться некуда — придётся прослушать. А затем грянут

«Игры и танцы,
Соберутся весёлые маски толпой:
Здесь будут снежинки, танкисты, испанцы
И прочих костюмов причудливый рой...»

Дальше вся Кострома извещается о том, что

«Каждый стих, он всегда вырастает
Из сплетённых гирляндами слов
И стихи нам свои прочитает
Поэт Николай Орлов...»

Хорошее дело — огороды, но не надо в связи с этим изводить бумагу на гирлянды Орлова.

Хорошее дело — концерты, но совершенно ненужен причудливый рой орловских костюмов.

Хорошее дело — устраивать карнавалы, но совершенно необязательно и в связи с карнавалами загружать типографии печатанием саморекламной стряпни Николая Орлова.

Вас. АРДАМАТСКИЙ.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

◆ Черноходуницкий металлургический завод послал в Москву, в Наркомат чёрной металлургии, телеграмму с отчётом о производстве чугуна. Телеграмма дошла до наркомата в чрезвычайно искажённом виде, о чём и была помещена заметка в № 1 Крокодила. Как сообщают из Наркомсвязи, за отсутствие контроля за работой телеграфа начальник Омутнинской конторы связи Рябов снят с работы.

◆ Г. Г. Пушкин отправил из села Приволжья, Саратовской области, в Ленинград посылку. Посылка пришла в Ленинград опустошённой: где-то по дороге злоумышленники обчистили её. По вине начальника Приволжской конторы связи Скребнева расследование этого случая настолько затянулось, что прокуратура прекратила дело за давностью.

По материалам Крокодила начальнику Приволжской конторы связи Скребневу объявлен строгий выговор, материальная ответственность за похищенное из посылки отнесена на его счёт.

◆ В заметке «За что подложили свинью», опубликованной в № 1, Крокодил сообщал о том, как главный бухгалтер Главруды Скорубский держал в Брединском совхозе Бакальского рудоуправления поросёнка, которого подкармливали за казённый счёт. Кроме того Скорубский периодически брал в совхозе овощи пшено и другие продукты.

За недостойное поведение и использование служебного положения в личных целях приказом по Главруде Скорубскому объявлен строгий выговор.

◆ Попавший на излечение на станцию Юрья, Кировской области, капитан Бондаренко поместил в Крокодиле письмо о том, что районный клуб запущен и не ведёт никакой работы. Письмо тов. Бондаренко подтвердилось. Помещение клуба отремонтировано. Директором клуба назначен другой работник.

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда"

Москва. Изд. № 294. Подп. к печати 15/V 1944 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в печ. л. 78 000

А5160. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1170. Тираж 100 000 экз.

Рис. Ю. Ганфа

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

«Планомерное отступление» немецко-румынских войск из Севастополя.